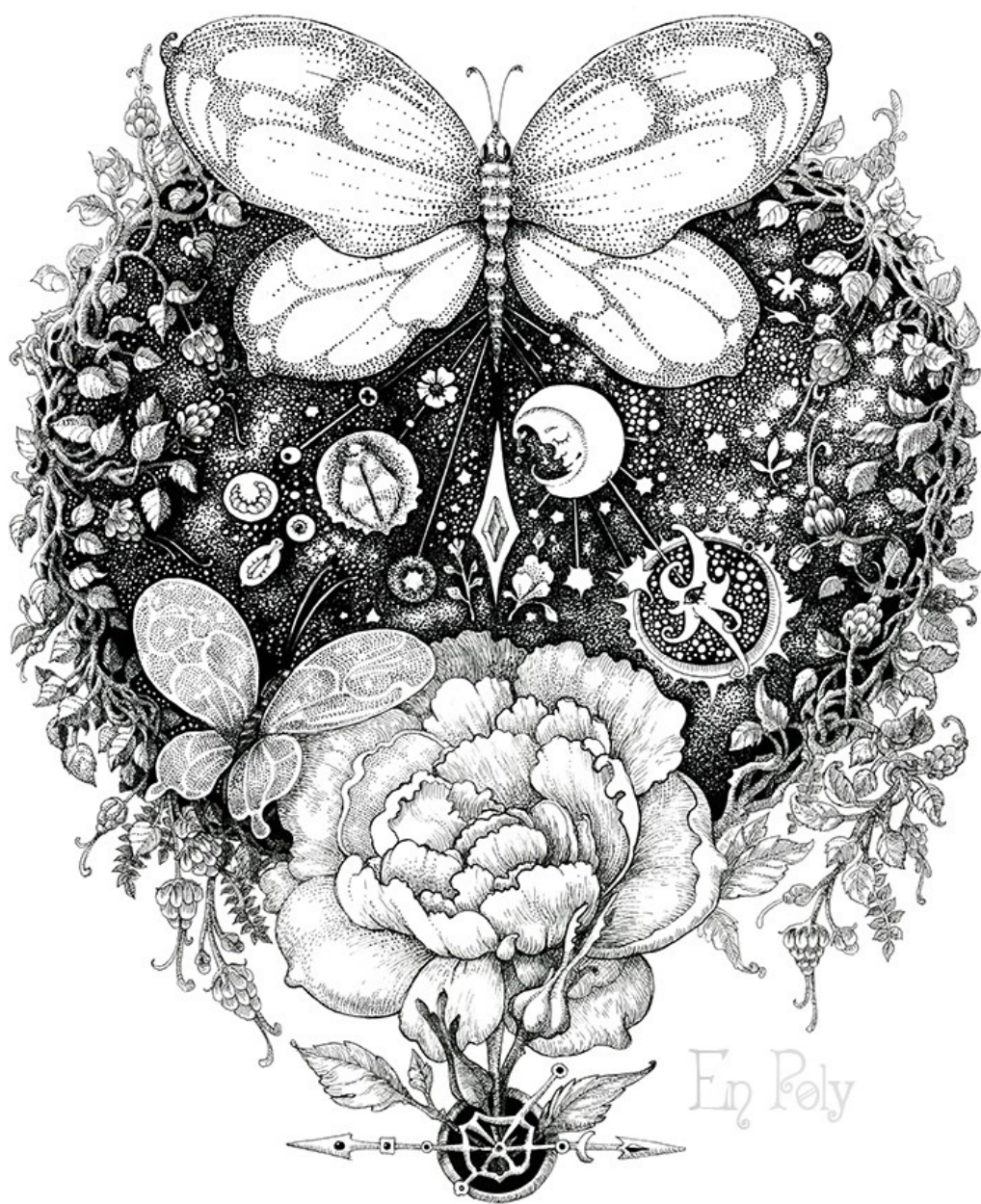

ДЕТИ БАБОЧКИ

И если Господь дает нам возможность стать теми, кем предназначено, имеем ли мы право противиться его выбору? Имеем ли мы право на бездействие?

(Легенды леса)

Все мы искажаем действительность, пока она не начинает искажать нас.

(Вождь)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЛИЧИНКА

ПРОЛОГ

На заре второго десятилетия текущего века широкое распространение получили так называемые сообщества искаженных. Вычурное представление о мире, как о голографической картинке, которую можно менять по собственному усмотрению, стало их девизом и жизненной установкой. Их главным инструментом стала фантазия, а множественные семинары трансформации – обучающей системой. Наше главное упущение заключается в том, что мы не разглядели в этом опасности в самом начале – тогда, когда можно было задушить эту гидру при первом вздохе рождения. И теперь мы расхлебываем последствия собственной недальновидности. В свое оправдание можем сказать, что стремление молодежи объединяться в группы по интересам выглядело настолько безобидным, насколько и легким к уничтожению, пойдя что не так. Ведь существовали же во все времена организации, не только государственные, что сплачивали, обучали, и, наконец, выдавали в мир готовый продукт – аккуратного исполнителя, блюстителя порядка, идеальный экземпляр человека потребляющего, а, значит, довольного жизнью.

(Интервью Департамента по поиску и устранению нездоровых идей, виртуальное СМИ, А-канал)

Глава первая. Оксана едет «зайцем»

Вдоль бока трамвая шла зеленая полоса, а по ней большими буквами - «Детская стоматология «Одуванчик». Из-под надписи выглядывала улыбающаяся мордашка младенца с одним зубом. Приятный такой малыш, приятный оттенок трамвая. Цвет спокойствия. А по факту - одна видимость. Откуда его взять, спокойствие это?

Газоны уже заволокло свежим: остренькая, колкая, как волосы на голове у новобранца, трава, среди нее – желтые головки мать-и-мачехи. Выглядит безобидно и пахнет хорошо. Удачная пора для всех знаков зодиака. Пусть рассказывают любителям слушать вечерние новости по экрану. Весна хороша для всех, кроме одной, избранной категории людей. Для которых все это не праздник природы, а целый гербарий тревог: десятый класс, экзамены. Просто прелесть что такое. Хотя, если подумать, есть ведь абитуриенты, есть еще выпускники универов. Этим хуже вдвойне.

Оксана не стала ломиться вперед, пропустила двух бабушек и доходягу-студента, с лицом зеленоватым, в цвет трамвая. Его хотелось назвать «братом» и пожать руку, но Оксана подавила порыв. Внутри было пусто. Пассажиров размазало по салону, как крошки масла по чесночному батону. Оксана сдвинула манжет бомбера, на запястье мигнула голубым пунктиром голографическая наклейка. Она улыбнулась краешком губ. «И каждый раз, как первый». Знаменитый слоган компании-производителя. Двусмысленность во всем – это ведь тоже их кредо. Она действительно испытывала почти влюбленность, включая пусковой режим даже самого простого их девайса.

А что до браслета – тут и правда не поспоришь: великолепная вещь, немного таких найдется универсальных «мамочкиных помощников»¹. Не нужно тратить время на поиски в карманах и сумке, как это обычно бывает с необходимыми вещами – мини-планшетом, бейджем-магнитом (за пределами школы Оксана тут же снимала его), ключами. Впрочем, на сегодня легкость общения на этом и закончилась. «Тройка-digital», идентификационный чип, файлообменник, а так же пропуск на все виды транспорта, оказался «пустой». Оксана провела по валидатору раз, другой, но в ответ раздавался все тот же противный писк. Красная лампочка не оставляла шансов: девайс обнулен. Хоть плачь, хоть головой об стенку.

- Ах ты ж...

Оксана ругнулась под нос, прекрасно понимая, что это вряд ли что-то изменит. Ни мать, ни кто-либо другой из близких и дальних родственников не смог бы сейчас ее выручить. Тем более мать. Менее всего мать. Искажение – отличная штука, но в реальном мире совсем не панацея. К тому же, учитывая ограничения... Оксана задумчиво провела рукой по сережке в нижней губе, еще раз оглядела салон. Пусто. Бабульки и студент уволоклись в дальний конец, у средней двери какой-то хмырь в песочном тренче, явно собирается выходить на следующей остановке – одна-две минуты и гудбай. На мародера совсем не похож. Рука

¹ Имеется в виду песня 66 года предыдущего века группы Rolling Stones «Mommy's little helper», которую Оксана, разумеется, не знает, как относящуюся к списку давно забытых древностей. До 2030 года дожила только крылатая фраза, применимая ко всем удобным девайсам и гаджетам

совершила движение неосознанно, Оксана представила себя на другой стороне, и сама не заметила, как перетекла через турникет. Мозг выдал сигнал тревоги на секунду позже, да и то пресный какой-то. Оксана прошла к ближайшим креслам, выбрала место у окна, села, активировала плейлист, нажав на мочки ушей, закрыла глаза.

Но шестое чувство редко уходит по-английски. Когда рука легла на ее плечо, она даже не удивилась. Хмырь – тот самый, в плаще.

- Дайте руку, пожалуйста. Браслет покажите.

Оксана послушно сделала то, что попросили. Смысл упираться?

- ... учащаяся десятого класса школы с углубленным изучением театрального мастерства и теории шоу-бизнеса, - уже бубнил мужичок. Он не задавал вопросов – этого не требовалось: все сведения высвечивались на экране такого же, как у нее, напульсника, только помасштабней.

Когда процедура идентификации была закончена, Оксана решилась задать вопрос. Она уже знала ответ, но ужас, внутренний страх, что накручивал кишки на стальные поршни невидимого механизма, заставлял идти до конца.

- Что мне за это?

- Отлучение на два месяца от сети, скорее всего, - просто, по-бытовому пожал плечами тип. - С учетом того, что сейчас годовые экзамены... Потом ведь закрытие табелей, бумаги, рутина – наказание, скорее всего, перенесут на июль. Вы у меня шестая за утро.

- Два месяца?! – голос сорвался на визг. С дальних сидений высунулись на черепаших шеях старушечьи головки-кокосы, качнулись в такт амортизации рельс. Студент не показался, заснул, видимо.

- Милая девушка, - мужчина говорил уже не так дружелюбно, но все еще улыбался. На его лице вполне явственно высвечивалось: в мире существует не много причин, что помешали бы воспитанному взрослому ответить грубостью зарвавшейся школоте. – От меня ровным счетом ничего не зависит. Это четко структурированная система, которая выдает штраф по содеянному – ни больше, ни меньше. Держите свой талон. Уничтожение бумаги ни на что не повлияет, данные о вас уже переданы куда надо. Оповещение придет на днях.

...

Валька ждал ее после занятий за углом школы.

- Ты расскажешь, наконец? На тебе весь день лица нет! Потеряла или украли? – попробовал он пошутить, но Оксана не отзеркалила улыбку.

- Штрафанули меня. На мародера нарвалась, - выдохнула она, без приветствий, титаническим усилием давя слезный спазм. Мародерами или слугами Мордора прозывались контролеры за значок «МАРДр», знак принадлежности к Министерской Арестантско-Драгунской службе. В их обязанности входила слежка за «потенциальными» - теми, кто в недалеком будущем мог совершить какое-либо противоправное действие. Под их внимание попадали и искаженные тоже, неважно какого возраста – и бывалые, и молодняк. Жертва обычно успевала заметить знак отличия гораздо позже щелчка

захлопнувшихся силков. Кстати, на хмыре она его так и не увидела. Может, отменили? Отлично. Теперь вообще без шансов распознать этих сволочей в толпе.

- Да ладно! – Валькины глаза округлились, физиономия вытянулась, от чего он стал похож на Оксаниного кота Варежку породы сфинкс. Такой же ушастый и абсолютно лысый. Варежкой он был назван в насмешку – на его теле было найдено ни единой шерстинки.

- Вот тебе и ладно, - пробормотала Оксана. – Ой, Валь, не будем. Тошно. Пойду я, вот. Проводишь или на тренировку?

Она прекрасно знала, что Валькины тренировки по вторникам и пятницам, сегодня у него никаких дел быть не может. Но, зная его трусоватый характер и привычку сначала обдумывать, как чужие неприятности могут отразиться на нем, она дала ему фору. Валек по привычке замялся. Неприятная такая привычка, прямо скажем: как будто тебе дают понять, что не знают, насколько сегодня знакомство с тобой может быть полезным, и все это не открывая рта. Но дружба с Валею Кочкиным, проверенная годами, была очень прочным, хоть и на вид хрупким предметом.

Валя был идеальным претендентом на роль рыцаря. Не в смысле любви, разумеется. Вечно сомневающийся, желающий любыми способами оставаться в теплых, как кошачья моча, нейтральных водах, он оказался самым верным другом. Пометавшись по своей улиточьей раковине, Валя всегда возвращался, чего нельзя было сказать о многих других.

Искаженным он тоже был так себе. Таких как он никогда не брали на какие-либо значимые роли в братствах, о позициях комендантов уж и говорить нечего. Оба они входили в «Колибри», одно из малых сообществ Северо-Западного округа, и семинары он посещал наравне со всеми, и гимны пел, и знаки вершил – все как положено. Конечно, кроме тех случаев, когда ему казалось, что его в очередной раз кто-то «люто ненавидит» или, еще хуже, «подсигивает».

- Забей!

- Чего?

Голос Вальки ярким крючком выдернул ее из размышлений, как рыбку из мутного пруда.

- Забей, говорю, - Оксана взглянула на него. Шутит? - Не думай, в смысле. В штаб в субботу пойдешь?

- С ума сошел?

Валька пожевал губами. Вопрос, действительно, нес в себе изрядную долю сумасшествия.

- Если не придешь, будут подозрения. И вопросы будут.

Это было сказано без шутливого тона. И тут он был совершенно прав. Патриций, великий и могучий, возможно, и не спросит. По крайней мере, сразу. Но подозрения будут точно. И, как это водится, правда всплывет очень быстро. Тогда ей придется выкручиваться, чего бы ей ну совершенно не хотелось.

- Но как я...

- Да запросто. Метку тебе еще не заштриховали?

Оксана мотнула головой.

- И не заштрихуют до каникул. Пойдем, - Валя подставил локоть. Значит, сегодня вместе. Оксана без слов оценила его героический поступок. – Как-нибудь само разрулится.

Глава вторая. Штаб

Штаб-квартиру братства разместили здесь совершенно случайно. С тем же успехом они могли бы оказаться в каком-нибудь другом, менее пригодном для этого месте. В сарае для инвентаря, например, среди человеческих обрубков из пластика - мать Патриция с самого начала была готова уступить им сараюшку на задворках семейного магазина одежды. С условиями, лишь отдаленно напоминающими привилегии: там не трогать, это не передвигать. Они бы согласились, разумеется, куда деваться, и это сделало бы их похожими на ряженных еще больше, а, возможно, развалило бы команду вообще. Заниматься серьезными делами в окружении кукол и тряпок (соблюдать порядок!), писать знаки на листах А4 и расклеивать их перед каждой сходкой? Цирк на пригородных гастролях. Положение тогда спас Архип. Выплыл со своей идеей свить гнездо на втором этаже гаража.

- Слушайте, я тут подумал, - Архип всегда начинал издали. – Есть у меня местечко одно, но оно того... Под вопросом. Да и не спрашивал я еще. И не знаю, разрешат ли. Но вдруг. Просто как вариант. На «подумать». Не знаю я, короче...

- Да скажи уже, о чем речь! Достал!

Обычная, кстати, реакция на разглагольствования Архипа. Почти запатентованная фраза.

- Родственник у меня есть, - пыхтел Архип, понизив голос до шепота. Стоило ли так шептать, непонятно. Прямо кровавые тайны средневековья. Но надо отдать должное: место, хоть и не было каменоломней со скелетами или заброшенным моргом, действительно оказалось с историей.

Двухуровневый гараж принадлежал родному дяде Архипа, он им пользовался, но лишь первым этажом. Внизу всегда пахло масляно и прогоркло, так пахло там, где еще остались заправляемые бензином машины. Насколько было известно, выезжал он от силы раз в две недели. Непонятно, чем руководствовался дядя Архипа: по слухам, за удовольствие владеть раритетным рыдваном – неважно, хранишь ты его или едешь на нем, пугая выхлопами прохожих - приходилось платить огромные деньги. Все логично: хочешь портить воздух, будь не против выжать кошелёк до дна за свою осуждаемую обществом прихоть. Хоть в эко-бензине его каждый день купай, а все же не электромобиль, жрет только вредное топливо. И воняет соответствующе.

Впрочем, не будь у человека по имени Митяй необъяснимого олдскульного хобби, не видать им нормального штаба, как своих ушей. Гаражей сейчас не сыщешь, все снесли. Любая нормальная машина заправляется в специальном боксе. Резервации рядом с домом, на цокольном этаже или рядом же, в башнях-парковках. А туда пошаманить не пустят, и мечтать нечего: сразу вой поднимут, патруль вызовут. Если бы им намекнули, где они

будут вскоре заниматься своими делами... Каменные коробки, с ржавыми дверями и жутким inferнальным запахом уже лет десять как можно причислять к музейным экспонатам.

По слухам, Митяй, странный Архипов дядька, был влюблен в свою берлогу до одури. Его можно было понять. Любой, кто интересовался раритетным инструментом и древней палеонтологической наукой под названием «автомеханика», удавился бы от зависти, не сходя с порога. Стены первого этажа украшали ровные ряды инструментов: ни одного ржавого или грязного ключа, ни одной праздно валяющейся, плохо пахнущей тряпки. Запах был, но то была специфика помещения, к аккуратности Архипова дяди не имеющая. Тут ходили тихо, не дыша, ничего не трогая. Как-то сразу стало ясно, что за любой лишний шаг открутят голову. Идеально чистым гаечным ключом. Но второй этаж Митяй без боя, и даже как-то с радостью отдал им.

- Я тут в индастриал метале лабал по молодости, - непонятно объяснил он при встрече. – Тоже деваться было некуда. И тут дед соседский появляется, ключами трясет: берите, говорит, безвозмездно, то есть даром. Куда вам, молодежи, еще идти. Выручу. А нам помещение нужно было такое... Ну, чтобы соседей не тревожить, понимаете? Эх, громко мы тогда орали!

И затянул, притопывая:

Бездна отступает,
Пустота сверкает,
Вены полны крови
И не помнят старой боли!²

Песню вынесли стоически. Чего только не выслушаешь, лишь бы получить желаемое – гараж понравился сразу. К тому же пел Митяй действительно неплохо. Мелодично.

- Только вот эту стену не трогайте, - прошуршал он пальцем по обтрепанным постерам напоследок. – Кумиры мои, старикашечки.

Сильно накрашенные, с растительностью до пояса люди (судя по накачанным рукам и обильной волосатости на груди, это, все же, были не женщины) взглянули тревожно вслед удаляющейся спине хозяина. И гараж достался им.

- Неплохой гарнитур. Но хотелось бы обзавестись своим.

- Класс! Красоту наведем! - Марика была в восторге от любых идей коменданта, просто по факту, такая коробочка с визгами и бравурными воплями, открывающаяся по любому слову Патриция.

Просьбу не трогать стену с гитаристами Патриций уловил правильно: лохматые остались на своих местах. Все остальное менять не запрещали. Весть интерьерный шик – старый диван-раскладушка с откидной секцией, две табуретки и ковролин, протертый в тех местах, куда когда-то упирались ножки кресел – были вынесены в ближайший эко-

приемник для рухляди. В течение недели сюда притащили все необходимое: модульный лежак, пару кресел-мешков, стол. И инвентарь, конечно. «Сундук мертвеца» с артефактами Патриций самолично заволок по шаткой лестнице, гордо отказавшись от помощи. Судя по всему, Митяй сварганил ее тогда, когда «лабал в группе» (что такое индастриал металл, все равно никто не понял): дерево выглядело так, будто пролежало на дне древнего озера лет сто, прежде чем пошло в работу. Но сооружение, как и все, что находилось в границах гаража, оказалось на редкость добротным. Патриций не рухнул, хоть и всячески старался самоубиться вниз головой, пока полз наверх с неподъемным железным ящиком.

...

- Предъявите знаки отличия.

Это было первое, что сказал Патриций, это было первое, что он всегда говорил, но Оксана все равно противно вздрогнула, заранее ненавидя себя за это.

- Задери повыше, Воланд, я тут с лупой ковыряться должен? – это он сказал Вальку. Валентину от Патриция доставалось больше всех, и Оксану сместило и заставляло недоумевать желание первого посещать встречи «Колибри». Вот зачем, спрашивается? Иметь повод ходить со сложным лицом и делать причастный вид? Мол, я другой, я отличаюсь. Я – общества член, тайного общества, да. Хотя нет, не это. Она прекрасно знала. Она сама ходила сюда за этим. Потому что идти было больше, собственно, некуда с тем добром, которым начинила их природа. Помимо волос (Оксана скосила глаза на лысую Валькину макушку и усмехнулась) и цвета глаз. Помимо всего, что дается всем без разбора. Они ведь и правда, другие. Искаженные.

- Кицунэ?

Патриций остановился возле нее, и Оксана задержала воздух в легких. Его вопрос относился к ней, хотя придирается было не к чему. Знак был на месте, пока нетронутый. Еще без запрещающей печати («пока оставят... в связи с течением годовых экзаменов...»), он выглядел так же, как у всех остальных. Оксана специально задрала рукав повыше, чтобы не нарваться на замечание, как Валек. Чего ему еще от нее надо?

Патриций промолчал, прошел дальше, поочередно мазнув взглядом по развернутым для проверки сгибам локтя Архипа, Марики, Фоки и Радика - Архиепископа, Матильды, Феофана и Родена, как они прозывались здесь. Собственно, ведь и Патриций не Патриций, а Паша, но как только они собирались вместе, вступали в силу другие законы. Держаться плечом к плечу. Сохранять дух сообщества. Не рассказывать про «дела». Не предавать. Быть начеку. Называть друг друга дурацкими именами. Впрочем, тут Оксане повезло. Везде, где ее называли не данным от рождения именем, она чувствовала себя выигравшим в лотерею.

- Все в порядке, - Патриций сложил себя в кресло и вжал пальцы в глаза. Патриций не обладал навыками гениального актера, зато мастерски умел изображать смертельную усталость. – Думаю, самое время озвучить задание на лето.

Вдоль стены – они всегда усаживались так, как ученики перед учителем. По сути, он им и был. Патриций, единственный в своем роде второгодка, которого не шпыняли за повторное просиживание штанов на школьной скамье – что-то связанное с темными наследственными

историями, пропавшими родственниками или (как поговаривали) уголовными делишками. Кто приходом своим не дал им упасть до нижней планки, до плинтуса, еще ниже - до корней, до земли, до шуршащих в недрах ее червей, когда развалились «Дети ночи». Печальная, но не такая уж редкая история: главного, коменданта по имени Инквизитор, замели на мелком воровстве, и так шуганули «братьев» всего северо-запада и окрестностей, что о встречах никто и не заикался полгода, а то и больше.

Патриций возник на ровном месте, распрямился и возвысился, как арматура в куче дырявых шин. Неумелый, как будто не на своем месте в обычном классе, он оказался отменным руководителем. Знающим гораздо больше (где, как он этому научился? Тайна крылась в тех месяцах, когда он вылетел из обоймы одноклассников), чем они все вместе взятые. И пришел, когда каждый из них ходил по краю. Когда каждый считал минуты, когда примут именно его. Потому что искаженный без братства, без штаба - сродни больному, потерявшемуся на прогулке вне пределов больницы. Их «кружки» не стали более легальными. Но от них, сбитых в группы, не шарахались так, как это было лет с десятков назад, на заре появления феномена. Об этих временах можно было прочитать в сети. И они читали, замирая от ужаса. Повторение охоты на иных. С кодексом «МАрДра» в руках в качестве «Молота ведьм»³

- Искажённые – суть иные. «Визуализация», «позитивное мышление» - база для малолеток. Сейчас этим никого не удивишь. Даже те, кто только что открыл в себе способность исказить, может гораздо больше, чем все эти «визуалы» вместе взятые. Они представляют сказку и проецируют на ближайшие тысячу лет, надеясь, что их мечты сбудутся и, если не они, так их внуки, дождутся *dolce vita*⁴. Мы же создаем новую реальность. Теми же средствами, но результат совсем другой, - говорил он, когда выдавалось законное время между комендантским часом (у каждого был свой – зависело от строгости родителей, но они плюс минус совпадали) и концом ритуала. – Сейчас штрафуют и наказывают. Миру не нужны иные, он этого не скрывает. Мы нужны только Департаменту. Пока мы существуем, им платят. Поэтому мы ведем бесконечные кошки-мышки. Нас ловят, но не насмерть. А в веке в пятнадцатом сжигали. Милостью считалось, если отрубили пальцы. Или руку целиком. За серьезные проступки.

- Серьезные – это какие? – кажется, этот вопрос Фока и Радик выдали одновременно.

- Воровство в первую очередь. За порчу с тяжелыми последствиями. В общем, за все, что выходило за рамки мелкого хулиганства.

- А потом зачем создали братства, в начале двадцать первого? Если, наоборот, хотели уничтожить?

- Во-первых, братства собирали не те, кто был против. Их организовали сами искаженные. Даже в школах преподавали, не афишируя особо. Потом случились те истории, когда искаженных бросали на закрытие мертвых зон с повышенным процентом психов на метр. Тогда такую кашу устроили. Искали искаженных среди сумасшедших, и наоборот.

Все знали. Даже те, кто особо не интересовался старыми подшивками, а таких было большинство. Ту историю, когда группу школьников бросили на закрытие Дыры,

3 «Молот ведьм» — трактат по демонологии и о надлежащих методах преследования ведьм

4 Сладкая жизнь (итал.)

энергетического канала с прошлым. Неподготовленных сопляков. Шуму было столько, что докатывалось штормами и до нынешних времен.

- Все позакрывали, - продолжал Патриций. – В школах, и дальше. Лет на десять все притихли. Потом стали собираться снова, только уже сами по себе. А не разогнали... Почему же не разогнали. Первое время гоняли. Потом поняли, что так проще всем, и отстали. Одно дело – действовать поодиночке, наламывая дрова. Другое - в группе исказить, в закрытом пространстве. Потом вернули аттестацию. Только в школы предметом не вернули. Баста.

- Почему тогда нас не признают? Ну, как организации?

- Всему свое время, - Патриций загадочно улыбался и снисходительно поглядывал на Матильду, которая обязательно вставляла что-то вроде:

- Хорошо, что ты с нами!

Или:

- Вместе мы - сила!

Вот и сейчас:

- С тобой мы все-все сможем!

Набор банальностей, ходячее клише, но факт оставался фактом: Патриций спас их. От бесцельных опытов дома – в одиночестве, боясь быть застуканными родителями. От рисков самостоятельно превратить себя в изгоев – желание исказить нарастало, как гормональный фон.

Название «визуалы» отметили сразу, как морально себя изжившее: поколение родителей набаловалось разнообразными техниками от ведических до про-западных, продвинутых, вроде слетов трансформации: «Мечтай, меняйся, достигай!». Все эти альбомы, wish-листы, вырезанные из журналов фотографии машин и домов. Отфотошопленное вручную будущее. Они пошли дальше, сделав из картинок настоящее, слепив из иллюзии реальность. И в этом виде их не приняли. Поэтому им надо было спастись по известному принципу утопающих – от тех, кто хотел контролировать, наставлять и назидать. От взрослых. А еще - от себя самих.

Они любили это место. И даже Оксана, которая сидела сейчас, всей поверхностью бедер ощущая игольчатое сиденье для провинившихся, невидимое окружающим, но доставляющее невыразимые мучения ей (чужая, обманщица!), чувствовала привязанность к этому старому гаражу. Ко всей этой компании, к каждому из них, хотя, взятые по отдельности, они могли раздражать ее до крайности.

- Мы не будем собираться до осени? – Матильда нагнулась вперед, полы плаща расплзлись, и вырез платья обнажил обожженные майским солнцем ключицы. – Почему? Воланд на моря, но мы-то здесь, мы в городе!

Можно подумать, кто-то думал о Воланде до этой минуты. Но проблему нужно было показать в масштабе. Мол, и меньшим составом нуждаемся во внимании. Не покидай!